
ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ

УДК 167:378 (437.6)

DOI:10.17853/1994-5639-2021-5-11-37

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: МАССОВАЯ ВЫСШАЯ ШКОЛА

Д. А. Смоляков

*Белорусско-китайский исследовательский центр философии и культуры
Линнаньского педагогического университета, Чжаньцзян, КНР.
E-mail: d.smaliakou@live.com*

Аннотация. *Введение.* В настоящее время интернационализация выступает приоритетом развития высшего образования в качестве институциональной составляющей его академического функционирования как с точки зрения обеспечения качества образования, так и в связи с реализацией многоуровневой интеграционной повестки, в которую вовлечен современный университет. В целях повышения эффективности международного измерения высшего образования необходимо прояснить ряд теоретико-фундаментальных вопросов, среди которых один из наиболее важных – проблема институциональных условий академической среды, способствующих возникновению интернационализации. Фундаментальным условием может выступать массовая высшая школа, в связи с чем прояснение взаимозависимостей между массовизацией и интернационализацией высшего образования позволит расширить теоретическое понимание его актуальных процессов, предоставив необходимый исследовательский каркас для дальнейших прикладных изысканий.

Целью данной работы является исследование взаимозависимости между массовизацией и интернационализацией высшего образования для уточнения институциональных условий, способствующих развитию международного измерения современного университета.

Методология и методика исследования. С точки зрения методологического аппарата данного исследования избран социально-философский инструментарий. В частности, работа основана на ретроспективном анализе и философской деконструкции социально-исторического перехода высшей школы от элитарной модели к массовой. В качестве исследуемого материала выступают работы, содержащие как статистические, так и аналитические данные относительно национальных условий перехода к массовой высшей школе.

Результаты исследования. Массовизация высшей школы обусловлена эволюцией исторического развития социальных систем и является составной частью дальнейшего развития всемирного высшего образования. Выступая одним из источников эмансипации и демократизации общества, массовое высшее образование обеспечило переориентацию университетов с воспитательных нужд на нужды компетенций, тем самым став спутником разрушения империалистической повестки, включая снятие проблемы отчужденного труда. Институционально массовизация высшего образования стала возможной за счет

объединения ресурсов государства и частного сектора. Оно имеет два варианта реализации: 1) за счет государственных субсидий в частное высшее образование; 2) за счет частных инвестиций в государственное высшее образование. Массовое высшее образование выступает институциональным фактором развития интернационализации: 1) формирует потребность в совершенствовании качества образования; 2) выступает инструментом имплементации интеграционной повестки.

Научная новизна. Установлена связь между массовизацией и интернационализацией высшего образования: массовое высшее образование выступает институциональным фактором формирования академического запроса на развитие процессов интернационализации: 1) формируя потребность в совершенствовании качества образования; 2) выступая одним из инструментов реализации интеграционной повестки. Отсутствие процессов массовизации и интернационализации в современной системе высшего образования может свидетельствовать о фундаментальных барьерах в национальном развитии того или иного государства.

Практическая значимость. Полученные результаты поспособствуют проведению дальнейших фундаментальных изысканий в философии и социологии образования, а также могут быть использованы в качестве теоретической основы для реализации практических исследований относительно современных процессов развития высшего образования.

Ключевые слова: интернационализация высшего образования, массовизация высшего образования, философия образования, социальная и экономическая модернизация, институциональное развитие.

Благодарности. Статья выполнена в рамках реализации пятилетнего плана работы Белорусско-китайского исследовательского центра философии и культуры Линнаньского педагогического университета.

Для цитирования: Смоляков Д. А. Институциональные условия интернационализации высшего образования: массовая высшая школа // Образование и наука. 2021. Т. 23, № 5. С. 11–37. DOI: 10.17853/1994-5639-2021-5-11-37

INSTITUTIONAL CONDITIONS OF INTERNATIONALISATION OF HIGHER EDUCATION: MASS HIGHER SCHOOL

D. A. Smaliakou

*Sino-Belarusian Research Center of Philosophy and Culture
at Lingnan Normal University, Zhangjiang, China.
E-mail: d.smaliakou@live.com*

Abstract. Introduction. Currently, internationalisation is a priority for the development of higher education, as an institutional component of its academic functioning, both in terms of ensuring the quality of education, and in connection with the implementation of a multi-level integration agenda, in which a modern university is involved. In order to increase the effectiveness of the international dimension of higher education, it remains necessary to clarify a number of theoretical and fundamental questions, among them one of the most important

is the problem of the institutional conditions of the academic environment that contribute to the emergence of internationalisation. Mass higher education can be found as fundamental condition and in that relation the clarification of the interrelations between massification and internationalisation of higher education can expand the theoretical understanding of current processes in higher education, providing the necessary theoretical framework for further applied research.

The *aim* of the present article is to investigate the interrelations between the massification and internationalisation of higher education in order to clarify the institutional conditions that contribute to the development of the international dimension of the modern university.

Methodology and research methods. The methodological framework of this research involves socio-philosophical tools. In particular, the research is based on a retrospective analysis and philosophical deconstruction of the socio-historical transition of higher education from elite to mass model. Both statistical data and analytical materials on the national conditions of transition to mass higher education are used to investigate the issue.

Results. The massification of the higher school became reality due to the historical development of social systems, representing the further evolution of global higher education. Acting as a source of society's emancipation and democratisation, the massification of higher education ensured the reorientation of universities from upbringing needs (ideology) to professional competence (economics). Meanwhile, mass higher education is considered to be the reason of destruction of the imperialist agenda, including the problem of alienated labour. Institutionally, the massification of higher education has become possible due the state-private cooperation. The implementation of this cooperation requires two options: 1) via government subsidies to private higher education, 2) via private investments into public higher education. Mass higher education is an institutional factor of internationalisation development: 1) it creates a need to improve the quality of education; 2) it acts as an instrument of the international integration.

Scientific novelty. The connection between mass education and internationalisation of higher education has been found. Mass higher education acts as an institutional factor in the formation of academic demand for the development of internationalisation processes: 1) forming the need to improve the quality of education; 2) acting as one of the tools for implementing the integration agenda. The absence of processes of massification and internationalisation in the modern system of higher education may indicate on fundamental barriers in the national development of a particular state.

Practical significance. The results obtained will contribute to further fundamental research in the fields of philosophy and sociology of education. Moreover, the present findings could be applied as a theoretical basis for further practical research on modern processes of higher education development.

Keywords: internationalisation of higher education, massification of higher education, philosophy of education, social and economic modernisation, institutional development.

Acknowledgements. The article was prepared in the framework of the five-year working plan of the Sino-Belarusian Research Center of Philosophy and Culture at Lingnan Normal University.

For citation: Smaliakou D. Institutional conditions of internationalisation of higher education: Mass higher school. *The Education and Science Journal*. 2021; 23 (5): 11–37. DOI: 10.17853/1994-5639-2021-5-11-37

Введение

На переломе XX и XXI вв. интернационализация стала важным приоритетом развития высшего образования в качестве институциональной составляющей его академического функционирования [1]. В научной литературе сформировался ряд теоретических моделей этого явления, в основе большинства из которых указываются такие элементы, как качество высшего образования и уважение к национальным особенностям. Авторская концепция исходит из того, что интернационализация высшего образования, сформировавшись на пересечении векторов международной интеграции и совершенствования качества высшего образования, является двунаправленным процессом, где каждое направление содействует взаимному ускорению [2].

В связи с важностью интернационализации для современного университета, а также глобальных и региональных интеграционных процессов необходимо прояснить ряд теоретико-фундаментальных вопросов, ответы на которые помогут более эффективно организовывать международное сотрудничество. Такие ответы необходимы не только с точки зрения теоретического описания происходящих в высшем образовании процессов, но и в целях эффективного реформирования деятельности как образовательных учреждений, так и национальных систем высшего образования.

Как возможна интернационализация? Какие необходимые условия требуются для ее возникновения? Почему в одних регионах мира интернационализация высшего образования успешно реализуется, в то время как в других безнадежно отстает? Ответы на эти вопросы помогут не только существенно расширить научное понимание социальных процессов, происходящих в современном мире, но и представить новые возможности для социально-экономической модернизации образовательных институций.

Одним из наиболее важных вопросов в этом ряду выступает **проблема** социально-исторических условий возникновения интернационализации высшего образования, в особенности вызывают интерес институциональные условия академической среды. Речь непосредственно идет о достижении такого состояния образовательных институций, такого качества их работы и места в общественной жизни, при которых становится возможной интернационализация. В этом (более предметном) рассмотрении фокус исследования не столько направлен на геополитические макропроцессы, сколько сосредоточен на количественных и качественных изменениях высшей школы, обеспечивших условия, при которых стала возможна взаимная увязка процессов совершенствования качества образования и международной интеграции.

Таким образом, целью данной работы является уточнение институциональных условий высшего образования, способствовавших возникновению и реализации интернационализации.

В соответствии с целью работы базовая научная гипотеза исходит из того, что возникновение массовой высшей школы привело к формированию ряда проблем и возможностей, которые обусловили институциональный запрос в академической среде на развитие международного сотрудничества.

Эти условия в созвучии с макрофакторами (глобализация и деколонизация) обеспечили формирование функционального запроса высшего образования на развитие интернационализации.

Как были сформированы эти условия? В чем их отличие от условий академического развития прежних исторических эпох? Каким образом эти новые условия способствовали развитию интернационализации? О чем может свидетельствовать эффективное/неэффективное развитие массовой высшей школы и ее интернационализации с точки зрения государственного развития? Это те задачи, решение которых приведет к достижению поставленной цели.

Обзор литературы

В научной литературе предложен ряд социально-философских гипотез генезиса интернационализации высшего образования, опирающихся на макрофакторы. В частности, Н. De Wit и J. Knight указывают на диалектическую природу интернационализации как формы противопоставления глобализации [3, 4]. Если глобализация универсализирует лингвокультурные контексты, то интернационализация, наоборот, ориентирована на сохранение языковой и национальной уникальности партнеров. Одновременно указанные авторы выделяют совершенствование качества образования как главную цель интернационализации.

Представленный подход часто выступает общим знаменателем в современных теоретических моделях, при этом геополитическая повестка, в том числе представленная в форме проблематики смены экономических укладов, так или иначе увязана с феноменом глобализации. По мнению Л. Дубовицка, Q. Zha и А. В. Копылова с соавторами, именно глобализацией объясняется академический фокус на качестве образования [5], необходимость в нем герменевтического опыта [6, с. 253–254; 7]. А. Ю. Чмыхало, И. Б. Ардашкин, М. А. Макиенко считают, что с глобализацией связывается и социально-историческая ситуация постмодерна, характеризующаяся повышением качества жизни и отказом от «традиционных ценностей» [8], создавшая условия для развития международного академического сотрудничества.

Авторская модель также исходит из макрофакторов, только не глобализации, а разложения империалистического универсума, завершившегося к концу XX века, что сформировало социально-политические условия для развития интернационализации высшего образования, содействующей национальной устойчивости взаимодействующих субъектов [10]. Вместе с тем для полной реализации макрофакторов требуется определенное состояние институциональной среды, то есть университеты должны быть готовы к реализации новой повестки. Без этой готовности на основании исключительно глобальных трендов сложно объяснить и обосновать те фундаментальные изменения роли и места международного измерения высшего образования, которые наблюдаются последние 30 лет.

В этом свете, помимо философского осмысления таких явлений, как глобализация и деколонизация, необходимо обратить внимание и на институциональное развитие самих университетов, обеспечивающее их готовность функционировать в новых условиях и решать новые задачи. Одним из таких институциональных изменений высшей школы рассматривается процесс массовизации.

На данный момент в англоязычных источниках твердо установлены связи массовой высшей школы с проблемами качества обучения. В частности, можно привести статьи М. Tight [11], М. Giannakis и N. Bullivant [12], а также Y. Yang [13], в которых описывается формирование запроса на совершенствование качества образования в условиях массового университета. С точки зрения социального развития в научной литературе имеется консенсус о связи массового высшего образования с классовой либерализацией и эмансипацией общества, о чем в своих работах пишут D. J. Hornsby и R. Osman [14], D. Dias [15], а также К. Н. Мок и А. Wu [16]. В русскоязычных источниках, несмотря на схожий с западными коллегами фокус на проблеме качества образования, имеется концептуальная особенность, прочно увязывающая массовую высшую школу с несовершенством процессов реформирования и модернизации. В этом контексте можно упомянуть работы М. А. Абрамовой [17] и Ю. Н. Пака, Г. К. Кошебаева, Д. Ю. Пака [18]. Главной особенностью постсоветских реалий выступает плановая экономика прошлого периода, в рамках которой спрос на высшее образование искусственно сдерживался. На эту особенность в белорусском высшем образовании указывает Т. О. Мох [19], а в российском – А. Р. Бессуднов, Д. Ю. Куракин, В. М. Малик [20] и В. Ф. Пугач [21]. При изучении указанных проблем рождаются опасения об искусственности или опасности массового высшего образования для университетской среды, о чем предупреждается в работах Е. А. Аникиной, Л. И. Иванкиной, Ю. С. Сорокиной [22], И. М. Барановой, В. Б. Пугина [23], А. В. Перевозного [24], Н. М. Ар-

сентьева, А. Ю. Ивлевой [25]. В свою очередь, такие опасения в целом коррелируют с результатами исследований западных коллег, так как массовая высшая школа напрямую увязывается с проблемой качества высшего образования и его соответствия рынку труда. В то же время в русскоязычных источниках эта взаимозависимость также обуславливается наследием советской плановой системы и поиском решений ее разбалансированности. Среди таких работ можно указать статьи Л. Г. Титаренко [26], Т. И. Ставцевой, Е. А. Белоусовой, Т. Э. Логвиновой [27], а также А. Г. Максимова и М. С. Тележкиной [28].

В целом связь между феноменом массового высшего образования, проблемой качества образования и социально-экономической модернизацией хоть и устанавливается в основном на примере развивающихся стран, но прослеживается и на примере развитых. В частности, Р. J. Gumport проведено широкое исследование процессов массовизации американского высшего образования и эволюции его состояния в постмассовый период [29]. В то же время, несмотря на устойчивое внимание к проблеме качества, имеющиеся исследования массовизации высшей школы остаются разрозненными и не описывают совокупность изменений академической среды, наложенных на тенденции глобализации и деколонизации. Не утихает и «алармистский» тренд, в котором массовое высшее образование представлено в качестве искусственного и опасного явления.

В этом свете обнаруживается существенный теоретический пробел, а именно установление связи между массовой высшей школой, проблемой качества образования, социально-экономической модернизацией общества и процессом интернационализации высшего образования. Несмотря на то что вопрос «качества» должен был бы подтолкнуть к взаимному изучению этих явлений, внимание к проблеме модернизации, очевидно, указывает на ограничение национального ресурса и необходимости выхода за его рамки. Первые попытки по осмыслению этого взаимовлияния в условиях Гонконга и Тайваня уже были предприняты К. Н. Mok и S. J. Chan [30], в то же время требуется продолжить философские изыскания в этом направлении в целях формирования общей теоретической модели современного высшего образования.

В этом свете конкретные социально-экономические, академические и качественные изменения университетской жизни, способствующие развитию интернационализации высшего образования, представляются актуальной научной проблемой. С точки зрения интернационализации высшего образования остается необходимым прояснить взаимосвязь институциональных изменений, которые претерпела массовая высшая школа. Такой анализ эффективно реализовать на национальных примерах США и КНР

как странах, добившихся успехов в массовизации высшего образования в противоположных политических, экономических и социально-культурных условиях. В пользу исследовательского фокуса говорят также история и широта научной разработки представленных национальных примеров массовизации высшего образования. Из наиболее значимых работ можно упомянуть доклад Р. J. Gumpert [29], статьи W. G., Tierney и J. D. Ward [31], M. Pan M. и D. Luo [32], Y. Gao [33], а также монографию А. М. Wu и J. N Hawkins [34]. В целом упомянутые работы в совокупности с данными ЮНЕСКО^{1, 2} предлагают достаточный статистический и аналитический материал для построения теоретической модели на основе философской методологии.

Методология и методы исследования

Одними из направлений решения представленной проблемы могут быть ретроспективный анализ и философская деконструкция социально-исторического перехода высшей школы от элитарной к массовой модели. В этой связи рассматриваются исторические переходы высшего образования от религиозной модели к национальной (основанной на идеологии) и от национальной к массовой. В отличие от фокуса на глобализации и деколонизации прежних работ автора, в данном исследовании за основу берется национальный статистический и аналитический материал, свидетельствующий об институциональных изменениях, к которым привела массовизация внутри высшей школы. В качестве источников для анализа выступили работы Р. J. Gumpert [29], W. G., Tierney и J. D. Ward [31], M. Pan и D. Luo [32], Y. Gao [33], А. М. Wu и J. N Hawkins [34], статистические данные, обработанные М. Roser, E. Ortiz-Ospina [42], а также материалы ЮНЕСКО^{3, 4}. При сравнении примеров массовизации высшего образования в различных странах мира в контексте ее влияния на функционирование академических институций и социальное развитие общества в целом появляется возможность сфокусироваться на тех тенденциях, которые способствовали более интенсивному становлению международного академического сотрудничества, то есть обеспечили запрос на реализацию интернационализации.

¹ UNESCO Institute for Statistics (UIS) // Education stats database. 2018. Available from: <http://uis.unesco.org> (date of access: 10.11.2020).

² UNESCO science report, towards 2030: Execut. summ // United Nations Educational, Scientific and Cultural Org. Paris: UNESCO, 2015. Available from: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000235407> (date of access: 10.11.2020).

³ UNESCO Institute for Statistics (UIS) // Education stats database. 2018. Available from: <http://uis.unesco.org> (date of access: 10.11.2020).

⁴ UNESCO science report, towards 2030: Execut. summ // United Nations Educational, Scientific and Cultural Org. Paris: UNESCO, 2015. Available from: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000235407> (date of access: 10.11.2020).

В качестве базовых национальных примеров взяты США и КНР как две успешные модели массовизации высшего образования XX – начала XXI веков, эффективно реализованные в противоположных условиях политической, идеологической и экономической среды. Это также примеры успешной интернационализации высшего образования, так как данные страны построили системы высшего образования с развитым международным измерением. В качестве противоположных примеров взяты менее успешные регионы мира (Нигерия, Индия), где массовизация высшего образования полноценно не состоялась, несмотря на имеющиеся финансовые и человеческие возможности для реализации этого процесса. Примеры рассматривались в социально-философской оптике на уровне национальных систем высшего образования на предмет корреляции с социальным и институциональным развитием государства и общества, в связи с чем частное развитие отдельных университетов осталось за рамками исследования.

Другие региональные примеры (постсоветское пространство, страны Юго-Восточной Азии, Бразилия) рассматриваются в качестве дополнительного аналитического материала, демонстрирующего релевантность полученных на примере США и КНР теоретических выкладок в отношении как модернизации университетской жизни в частности, так и общества в целом.

Результаты исследования

Социально-исторический контекст элитарной модели национального университета. Национализация религиозной системы образования в Европе в конце XVIII в. имела множество долговременных последствий, одним из которых являлось переподчинение образовательного процесса нуждам государства, заменившим приоритеты религиозной иерархии. Фундаментально изменились цели образовательного процесса: если раньше тот был направлен на расширение влияния церкви, где грамотность рассматривалась необходимой частью евангелизации, то в конце XVIII в. спайка грамотности и веры обрела в лице государства новый ориентир взаимодействия, став частью зарождающейся идеологии. Школы постепенно переориентировались с приоритетов религиозного просвещения, на программы идеологического воспитания, где религия выступала не самоцелью образования, но уже вспомогательной его частью. Новая образовательная система применялась как для реализации колониальной экспансии, так и для сопровождения внутренней политики, направленной на обеспечение классового контроля общества метрополии [35].

Цели высшего образования также претерпели изменения. В течение XIX века университеты постепенно утрачивали значение элемента престижа

абсолютной монархии, превращаясь в методического и содержательного донора строящихся национальных систем образования. Возвышаясь над школами, училищами и лицеями, именно университеты стали определять основные направления их развития, переподчиня гуманитарную природу таких учреждений нуждам модернизации национальных экономик, потребляющих все большее количество технических и технологических инноваций. В это же время появляются первые министерства образования, которые использовали университеты в качестве координирующих центров, регулирующих образовательную жизнь школ и училищ, на что обращают внимание J. V. H. Melton (национализация образования в Пруссии и Австрии) [36], В. Suchodolski (работа эдукационной комиссии Речи Посполитой в контексте национализации религиозной системы образования) [37], К. А. Schleunes (внедрение повестки просвещения в систему образования Пруссии) [38].

Несмотря на расширение влияния университетов на национальную образовательную повестку, они сохраняли статус элитарной организации – закрытой и автономной, погруженной в свой внутренний контекст, распространяющийся на узкий круг преподавателей, студентов, ученых, клириков и государственных служащих. В отличие от школ, обеспечивавших базовую грамотность, университеты функционировали как орган формирования элит – наивысший уровень воплощения идеологии, откуда она должна была нисходить к низшим классам посредством управленческих, образовательных и производственных цепочек, тиражируя имперские паттерны и формируя культурно-языковую дистанцию между элитой и остальным народом, которую подчеркивал в своих постколониальных исследованиях W. T. Ngugi [39]. В этом социально-экономическом контексте высшая школа все еще не имела предпосылок ни к массовости, ни к интернационализации.

В силу элитарности социальная база университета была малочисленной (состояла из белых мужчин, способных заплатить за собственное образование), а его деятельность соответствовала понятию отчужденного интеллектуального труда по Э. Ильенкову: «При наличии всеобщего отчуждения мышление только в сфере науки (т. е. внутри касты ученых) и достигает высоты и уровня развития, необходимых для общества в целом, и в таком виде действительно противостоит большинству человеческих индивидов. И не только противостоит, но и диктует им, что и как они должны с точки зрения науки делать, что и как им надлежит думать и т. д. и т. п. Ученый, профессионал теоретик вещает им ведь не от своего личного имени, а от имени Науки, от имени Понятия, от имени вполне всеобщей, коллективно-безличной силы, выступая перед остальными людьми как ее доверенный и полномочный представитель» [40]. Таким образом, университеты были ответственны за формирование элит, легитимность правления которых обес-

печивалась полученным образованием. В этом смысле высшее образование обеспечивало требуемое качество идеологического воспитания, которое и позволяло элите считаться таковой, ниспуская ценности и воззрения в общество в целом. Международное взаимодействие в этой системе ограничивалось рядом препятствий, таких как международная техническая и экономическая конкуренция, несовместимость имперских паттернов, закрытость колониальных континуумов.

XX век, озаменованный мировыми войнами, характеризовался постепенным разложением империалистической системы мира, что сопровождалось фундаментальным изменением структуры занятости населения. Благодаря ускоряющемуся научно-техническому прогрессу кардинально изменились и формы труда. Индустриализация требовала внедрения в производство новых механизмов и технологий, что в условиях мобилизации военного времени было реализовано за довольно короткий срок, подчеркивает R. Stubbs на примере форсированной индустриализации Юго-восточной Азии в ходе Второй мировой войны [41].

В новой ситуации разрушающихся империй возник идеологический полюс социализма, который, с одной стороны, предоставил возможности для международной кооперации (теперь идеология ей не препятствовала, а, наоборот, стимулировала ее), с другой, расширяла социальную базу университетского образования за счет широких слоев городской и сельской бедноты. В то же время такое образование институционально не изменилось, оставаясь элитарным. Если в капиталистическом мире порог получения высшего образования состоял из финансовых, гендерных и расовых ограничений, то в социалистическом лагере такими ограничениями стали государственный заказ и классовость происхождения.

Окончание Второй мировой войны изменило облик университета. Послевоенная разруха и кадровые проблемы в совокупности с нарастающими тенденциями холодной войны стимулировали США направить большое количество учителей в Европу, Японию, Тайвань и Корею, а также начать новые программы академического обмена, как, например, Программу Фулбрайта. Одновременно Советский Союз нарастил академическое сотрудничество с новыми странами-союзницами, в особенности с коммунистическим Китаем. Постепенно увеличилось, по мнению R. Stubbs, и общее количество учреждений высшего образования, в том числе в бывших колониях [41].

Зарождение массового высшего образования. После окончания Второй мировой войны появились условия, при которых высшая школа обрела способность оторваться от своего элитарного фундамента и стать массовой. В 1940-х гг. американское правительство начало субсидировать ветеранов Второй мировой войны для получения ими высшего образования.

P. J. Gumpert отмечает, что после завершения Корейской войны в 1953 году эти тенденции ускорились, встроившись в структуру радикального расширения среднего класса в США [29].

В это же время в научный оборот вводится термин «массовизация», который окончательно утверждается в научной литературе к 1960-м годам, обозначая динамичное увеличение как количества учреждений высшего образования, так и обучающихся в них студентов [29]. В этот период субсидирование обучения ветеранов, борьба с расизмом, женская эмансипация, поддержка граждан с ограниченными физическими возможностями в совокупности обеспечили экстенсивный рост числа новых студентов в США. Это стало возможным благодаря государственному финансированию обучения тех категорий населения, которые ранее были отстранены от получения высшего образования [29]. Благодаря приливу студентов из различных социальных классов высшее образование обрело необходимый спрос, обеспечивший переход к массовой высшей школе.

Рост числа студентов требовал соответствующего количества преподавателей, что, в свою очередь, способствовало увеличению общего количества учреждений высшего образования. В Америке наряду с традиционно платным образованием активно начали развиваться программы государственного субсидирования, призванные способствовать дальнейшей демократизации общества. Эта политика не была спровоцирована сугубо экономическими причинами, однако в своих результатах имела фундаментальный экономический эффект, обеспеченный за счет быстрого притока в экономику образованных кадров.

Схожие процессы происходили в Юго-Восточной Азии, где Южная Корея, Япония, Тайвань, Сингапур и Гонконг в послевоенный период радикально увеличили инвестиции в высшее образование, тем самым поспособствовав интенсивной модернизации общества, экономики и картины занятости населения [41]. Увеличившийся приток образованных кадров спровоцировал формирование новой экономики услуг, ускоряющейся не в силу появления индустриальных комплексов, но в большей степени за счет привлечения технологий и инвестиций из-за рубежа, снизивших ценность и стоимость прежних средств производства. В новых условиях образование не только способствовало производству, но и само выступало его средством. Теперь высшее образование рассматривалось не столько верховным контролером воспитания, сколько инструментом получения добавленной стоимости, то есть основой материального благополучия не только общества в целом, но и конкретного индивида. В соответствии со статистическими данными, обработанными М. Roser и Е. Ortiz-Ospina, массовизация высшего образования привела к быстрому увеличению количества людей с выс-

шим образованием в Северной Америке, которая остается лидером по этому показателю и в настоящее время [42].

Соответственно, росла популярность университетов, доступ к которым обеспечивал возможность дальнейшего заработка. В начале 1980-х годов схожие тенденции достигли КНР, где массовизация высшего образования стала одним из приоритетов модернизации страны в рамках «реформ открытости». Если в США этот процесс реализовывался за счет увеличения государственного субсидирования платной системы высшего образования, то в КНР государственная система образования обрела новые ресурсы за счет коммерциализации. В условиях роста доходов населения коммерциализация высшего образования не ограничивала набор абитуриентов, а, наоборот, способствовала увеличению количества доступных мест. В Китае сочетание государственного и частного финансирования было особенно эффективным, обеспечив массовизацию высшего образования в 30-летний срок [43]. По мнению X. Ding, массовый университет возымел в Китае глубокий социально-экономический эффект с точки зрения как женской эмансипации, так и увеличения благосостояния сельских и бедных слоев населения, поспособствовав радикальному ускорению модернизации страны с точки зрения не только экономики, но и социально-культурных устоев общества [44].

В СССР происходили симметричные процессы, которые, однако, не имели столь широкомасштабных результатов, как в Юго-Восточной Азии или в США. Проблема заключалась в сущности советской экономики: 1) она была крайне милитаризована; 2) отличалась дешевизной, а также закрепляла население в сфере производства, искусственно обескровливая сферу услуг; 3) финансирование университетов происходило исключительно за счет государственных средств, что лишало их возможности реагировать на запросы населения. В этих условиях развитие системы высшего образования увязывалась с технологическим развитием индустриального и аграрного секторов экономики. Немаловажным оставался и военный потенциал, рост которого обеспечивался в том числе благодаря исследовательской деятельности.

Вместе с тем перечисленные факторы могут быть рассмотрены двояко. С одной стороны, они способствовали скачкообразному увеличению количества как университетов, так и обучающихся в них студентов. С другой стороны, плановая парадигма существенно обескровливала сферу услуг, ставила университеты в полную зависимость от государственного заказа, ограничивая дальнейший рост системы высшего образования. После распада СССР в ситуации экономического перестроения сформировались условия для массовизации высшего образования, которая, однако, прошла с опозданием в сравнении не только с США и Западной Европой, но и Юго-Восточной Азией.

Постепенное расширение государственного высшего образования за счет внедрения элементов коммерциализации позволило не только увеличить количество студентов, но и расширить число учреждений высшего образования. Расширение среднего класса обеспечило приток частного финансирования в высшую школу (родители стали в состоянии оплачивать дополнительные места в университетах для своих детей, не прошедших по конкурсу на бюджет), что поддержало его экстенсивный рост. В то же время этот процесс был относительно длительным и не всегда успешным. Россия [45] и Беларусь [19] достигли массового высшего образования только к 2009 году, в то время как другие бывшие советские республики (Кавказ и Средняя Азия) так и не смогли осуществить такой переход.

В тех странах, где удалось завершить массовизацию высшего образования, академическая среда постепенно перестроилась, отойдя от сугубо государственного заказа к нуждам экономики и рынка труда. Эта тенденция сопровождалась быстрым ростом индекса человеческого развития и его замедлением там, где по тем или иным причинам высшее образование так и не стало массовым. В этой связи массовое высшее образование можно рассматривать как определенный индикатор социально-экономического развития страны.

Несмотря на очевидные экономические и социальные успехи массового высшего образования, проблемы с его имплементацией с неизбежностью сопровождаются дискуссиями относительно целесообразности его внедрения [46, 47]. Значение данного процесса все еще неочевидно для академических сообществ развивающихся стран, которые рассматривают трудозатратный и дорогой переход от элитарного к массовому высшему образованию как модулируемый и искусственно управляемый сверху процесс, лишенный естественных оснований.

Формирование запроса на совершенствование качества образования. Описанные тенденции в глобальной перспективе привели к существенному изменению картины высшего образования. В соответствии с данными ЮНЕСКО, если в 1970 году в университетах обучалось 32,6 млн человек, то в 2000 году студентов насчитывалось 99 млн. Этот рост демонстрировался на фоне замедления темпов рождаемости в развитых регионах мира, но сопровождался удвоением мировой экономики в период с 1990 по 2016 год. По прогнозам к 2030 году число студентов в мире достигнет 377,4 млн, в то время как рост числа студентов даже на доли процентного пункта в год обеспечит существенную прибавку в ВВП¹.

¹ UNESCO Institute for Statistics (UIS) // Education stats da-tabase. 2018. Available from: <http://uis.unesco.org> (date of access: 10.11.2020).

На этом фоне массовая высшая школа к концу XX века обеспечила формирование национальных систем высшего образования, что привело к популяризации самого этого термина в научном обороте, на что обращает внимание S. Guri-Rosenblit [48]. Как замечает U. Teichler, в новых условиях система высшего образования обозначает не совокупность различных университетов, но некую взаимосвязанную макроструктуру национального и международного уровней [49]. В силу массовости высшее образование приобрело организующие функции, ранее доступные лишь системе школьного образования, выражающиеся в способности транслировать идеалы и ценности среди широких слоев населения, а не только элиты. Высшее образование также стало основой новой экономики: если на прежних этапах человеческого развития основной вклад вносился необразованными (крестьяне) или малообразованными (рабочие, торговцы) слоями населения, то со середины XX в. именно высокообразованные кадры все в большей степени обеспечивают экономический рост.

W. Santa отмечает, что на этом фоне ярко выражены негативные тенденции в тех странах, которые не смогли или не успели массовизировать высшую школу, не обеспечив ее стратегией развития, увязывающей знания с экономическим ростом [50]. Яркий пример – Нигерия – крупнейшая страна Африки (20% населения континента), обладающая огромными сырьевыми богатствами и длинной береговой линией. Тем не менее в 2002 году Нигерия обладала лишь 15 учеными или инженерами на 1 млн населения, в то время как другие развивающиеся страны, такие как Бразилия (168 на 1 млн чел.), Китай (459 на 1 млн чел.) или Индия (158 на 1 млн чел.), обеспечили себе лучшие возможности для социально-экономического развития [50].

К настоящему моменту диспропорция в массовости высшего образования усилилась, с одной стороны, позволив таким странам как Китай добиться коренного изменения картины занятости населения, но с другой – увеличить отставание таких стран, как Нигерия. В этом же ключе современная наука склонна интерпретировать разницу в развитии между Китаем и Индией. Если первый преуспел в массовом высшем образовании, то вторая во многом осталась с элитарным аналогом. В это же время с примерно одинакового размера ВВП и населения в 20-летний период номинальный ВВП Китая стал равняться 6 индийским. Авторские коллективы в составе K. S. Reddy, E. Xie и Q. Tang; R. Mu и Q. Wan обращают внимание, что в это состояние дел внесли вклад не только инновации, но и расширение социальной базы образованных кадров за счет женщин и бедных слоев населения, в чем также непосредственная заслуга высшего образования [51, 52].

За период с 2000 по 2020 год Китай вышел на первое место в мире по ВВП по паритету покупательной способности, при этом в 2015 году рост

количества студентов в стране составил 40 % к 2012 году, а к 2019 году обучающихся в университетах стало на 50 % больше¹. Быстрое увеличение количества специалистов с высшим образованием позволило Китаю в десятилетний срок существенно продвинуться в области науки и инноваций. Только за период с 2009 по 2013 год количество исследователей в Китае увеличилось на 300 тыс. чел., достигнув 1484 тыс., что составляет 20 % от всех исследователей в мире. При этом если в 2003 году Китай генерировал лишь 5 % научных публикаций в мире, то к 2013 году эта пропорция увеличилась до 20 %².

Массовое высшее образование сформировало условия для ускорения межуниверситетского сотрудничества в международной сфере. Если на предыдущих этапах человеческого развития международная интеграция осуществлялась в рамках военных (религиозных, идеологических) союзов, то массовизация открыла новые возможности для высшего образования с точки зрения интеграционной парадигмы. На этом пути, однако, имелся ряд препятствий. Системы высшего образования в национальных границах существенно отличались друг от друга. Как замечает Р. J. Gumport, национальные системы высшего образования были неоднородны, так как состояли из учреждений, отличающихся статусом, стандартами, традициями, а также требованиями к квалификации преподавателей и одаренности учеников [29]. Вопрос качества высшего образования встал как никогда остро, но уже не столько в плоскости государственных требований к образовательному учреждению, сколько с точки зрения его конкурентоспособности, особенно в глазах студентов и преподавателей.

Обсуждение результатов

Таким образом, вопрос качества образования обнаружил себя как в области масштабирования систем высшего образования (интенсивный рост количества учреждений высшего образования и студентов, обучающихся в них), так и в сфере интеграционных возможностей высшего образования, требовавшей преодолеть разрывы между системами высшего образования и учреждениями высшего образования, обеспечив тем самым их совместимость. В этом смысле массовизация высшего образования сформировала, с одной стороны, запрос на улучшение качества образования, который начал удовлетворяться в том числе за счет эффективных ресурсов международ-

¹ China reports growth in higher education gross enrolment rate // Gbtimes Beijing. Available from: <https://gbtimes.com/china.reports.growth.higher.education.gross.enrolment.rate> (date of access: 10.11.2020).

² UNESCO science report, towards 2030: Execut. summ // United Nations Educational, Scientific and Cultural Org. Paris: UNESCO, 2015. Available from: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000235407> (date of access: 10.11.2020).

ного сотрудничества, с другой стороны, массовая высшая школа стала проводником интеграционной повестки за счет доступа к обучению широких слоев населения.

На этом фоне те страны, которые обеспечили массовое высшее образование, обрели внешнеэкономический рост со стороны тех государств, которые не смогли обеспечить такой переход. Если академическое сотрудничество таких стран, как США или Китай, связывается с расширением культурно-языковых, экономических и социально-политических связей, то чистый импорт образования со стороны Нигерии или Индии все еще носит полуколониальный характер. В этом смысле массовое высшее образование выступает не только индикатором социального развития общества, но и точкой определения формата международного взаимодействия (такое взаимодействие содействует развитию национальной устойчивости либо является проявлением формы патронажа одних участников над другими).

В этом свете массовая высшая школа во многом определяет характер международного взаимодействия в академической сфере. С учетом того, что интернационализация высшего образования предусматривает как совершенствование качества образования, так и международную интеграцию, только национальные системы с массовым высшим образованием способны полноценно реализовывать этот процесс. В условиях, когда национальная система высшего образования не способна перейти к массовой модели ее международное взаимодействие будет ограничиваться.

Представленная увязка массовизации высшего образования с модернизацией общества и экономики, а также формированием запроса на интернационализацию в высшем образовании не только обосновывает институциональные механизмы возникновения и расширения международного измерения в академической жизни, но и объясняет их материалистическую, а не идеалистическую мотивацию. Такой подход позволяет рассматривать интернационализацию высшего образования в качестве эффективного средства международного взаимодействия, имеющего не только символическое значение (приоритеты мультикультурализма и преодоление духовных последствий колониализма), но и функциональное (совершенствование качества образования, выравнивание уровня развития различных университетов и обеспечение их совместимости в рамках национальных систем и межнациональных пространств высшего образования).

В целом результаты исследования полностью вписываются в традиционную парадигму связи массового высшего образования с проблемой обеспечения качества, однако позволяют взглянуть на интернационализацию высшего образования как на важный элемент преодоления этой проблемы. Такой подход позволяет выявить актуальный характер изменяющейся гло-

бальной социально-экономической структуры общества, где способность к массовизации и интернационализации высшего образования выступает индикатором успешности того или иного национального субъекта.

В то же время имеются определенные ограничения представленной теоретической модели. В силу того, что она опирается на методологическое основание интернационализации как пересечения процессов международной интеграции и совершенствования качества высшего образования, вне указанных методологических рамок феномен массового высшего образования может быть интерпретирован в несколько ином ключе. Такие ситуации могут обнаруживаться в переходных и развивающихся экономиках, обладающих финансовыми ресурсами для развития массового высшего образования, но не проявляющих гибкость к его выгодам и потребностям. В свою очередь, подобные национальные примеры могут выступать важным направлением для дальнейшего научного изучения.

Заключение

Подводя итог, следует заключить, что массовизация высшего образования обусловлена эволюцией исторического развития социальных систем. В отличие от предыдущих эпох, ориентированных на империалистические ценности, массовая высшая школа выступает одним из источников эмансипации и демократизации общества, инструментом преодоления им классовых противоречий. Этот процесс во второй половине XX в. обеспечил переориентацию высшего образования с традиционных нужд государства на спрос экономики, в связи с чем может считаться естественным, а не искусственно спровоцированным явлением, которое, однако, может быть ускорено за счет целенаправленной и эффективной политики государства.

С точки зрения социально-философского взгляда массовизация высшего образования выступила механизмом качественного перестроения общественной жизни, повлияв как на изменение экономического взаимодействия, так и социально-культурного. В этой плоскости оно выступило не только спутником деколонизации, но и решением классических проблем марксизма, связанных с отчужденным трудом и монополией на средства производства. Старые средства производства потеряли свой всеобъемлющий статус, уступив первенство компетенциям рабочей силы.

Институционально массовизация высшего образования стала возможной за счет государственно-частного партнерства: в одних странах (США) она реализовывалась за счет государственных субсидий в частное высшее образование, в других (КНР) частные инвестиции способствовали радикальному расширению государственной системы высшего образования. Всеобщая массовая высшая школа стала возможна ввиду государственно-частно-

го сотрудничества, обеспечивающего как достаточность финансирования, так и гибкость в отношении рынка труда и запроса на компетенции.

Массовое высшее образование выступает внутренним фактором формирования академического запроса на развитие процессов интернационализации:

- 1) формируя потребность в совершенствовании качества образования;
- 2) выступая институциональным инструментом имплементации интеграционной повестки.

В этом смысле массовый университет выступает как инструментом реализации интеграции, так и одним из требований к ее проведению. Проблемы с развитием массовой высшей школы могут свидетельствовать о наличии фундаментальных барьеров в национальном развитии того или иного государства, что представляет важный объект для дальнейшего изучения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. De Wit H. Globalisation and internationalisation of higher education // *Revista de universidad y sociedad del conocimiento*. 2011. № 2 (8). P. 241–248. DOI: 10.7238/rusc.v8i2.1247
2. Смоляков Д. А. Интернационализация высшего образования: социально-философский аспект // *Доклады Национальной академии наук Беларуси*. 2020. № 3 (64). С. 371–378. DOI: 10.29235/1561-8323-2020-64-3-371-378
3. De Wit H. The history of internationalization of higher education // *The SAGE handbook of international higher education* / Ed.: D. Deardorff [et al.]. California, 2012. P. 43–60. DOI: 10.4135/9781452218397.n3
4. Knight J. Internationalization remodeled: definition, approaches, and rationales // *Journal of Studies in International Education*. 1997. № 1 (8). P. 5–31. DOI: 10.1177/1028315303260832
5. Дубовицка А. Интернационализация высшего образования как часть Болонского процесса [Электрон. ресурс] // *Научный диалог*. 2013. № 2. С. 8–21. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/internatsionalizatsiya-vysshego-obrazovaniya-kak-chast-bolonskogo-protssesa> (дата обращения: 10.11.2020).
6. Zha Q. Internationalization of Higher Education: Towards a Conceptual Framework // *Policy Futures in Education*. 2003. № 1. P. 248–270. DOI: 10.2304/pfie.2003.1.2.5
7. Копылов А. В., Сергеев А. М., Рыжкова И. В. Некоторые герменевтические аспекты интернационализации высшего образования // *Педагогика*. 2020. № 5 (84). С. 16–23. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43036959> (дата обращения: 10.11.2020).
8. Чмыхало А. Ю., Ардашкин И. Б., Макиенко М. А. Интернационализация высшего образования как отражение ценностей культуры постмодерна: российская специфика [Электронный ресурс] // *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*. 2016. № 4 (24). С. 85–99. DOI: 10.17223/22220836/24/9. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/internatsionalizatsiya-vysshego-obrazovaniya-kak-otrazhenie-tsennostey-kultury-postmoderna-rossiyskaya-spetsifika> (дата обращения: 10.11.2020).

9. Altbach P. Globalization and the university: realities in an unequal world // *Tertiary Education and Management*. 2004. Vol. 10. P. 3–25. DOI: 10.1007/978-1-4020-4012-2-8
10. Смоляков Д. А. О генезисе интернационализации высшего образования // *Образование и наука*. 2019. № 8 (21). С. 9–28. DOI: 10.17853/1994-5639-2019-8-9-286
11. Tight M. Mass Higher Education and Massification // *High Education Policy*. 2019. № 32. P. 93–108. DOI: 10.1057/s41307-017-0075-3
12. Giannakis M., Bullivant N. The Massification of Higher Education in the UK: aspects of service quality // *Journal of Further and Higher Education*. 2016. № 40 (5). P. 630–648. DOI: 10.1080/0309877X.2014.1000280
13. Yang Y. Higher Education in China: Massification, Accessibility, and Quality Issues // Collins C., Lee M., Hawkins J., Neubauer D. *The Palgrave Handbook of Asia Pacific Higher Education*. New York: Palgrave Macmillan, 2016. P. 315–330. DOI: 10.1057/978-1-137-48739-1_21
14. Hornsby D. J., Osman R. Massification in higher education: large classes and student learning // *High Education*. 2014. № 67. P. 711–719. DOI: 10.1007/s10734-014-9733-1
15. Dias D. Has Massification of Higher Education led to more Equity? Clues to a reflection on Portuguese education arena // *International Journal of Inclusive Education*. 2015. № 19 (2). P. 103–120. DOI: 10.1080/13603116.2013.788221
16. Mok K. H., Wu A. Higher Education, Changing Labour Market and Social Mobility in the Era of Massification in China // *Journal of Education and Work*. 2016. № 29 (1). P. 77–97. DOI: 10.1080/13639080.2015.1049028
17. Абрамова М. А., Крашенинников В. В. Реформа высшего образования: от количества к качеству // *Философия образования*. 2016. № 2 (65). С. 44–52. DOI: 10.15372/PHE20160204
18. Пак Ю. Н., Кошебаева Г. К., Пак Д. Ю. Проблемы модернизации высшего образования в контексте обеспечения качества // *Alma Mater (Вестник высшей школы)*. 2019. № 12. С. 14–21. DOI: 10.20339/AM.12-19.014
19. Мох Т. О. Обусловленность массового высшего образования Республики Беларусь: исторический контекст [Электрон. ресурс] // *Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки: сборник научных статей* / Под. ред. В. Ф. Беркова. Минск, 2017. Вып. 17. Ч. 1. С. 286–293. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/184685> (дата обращения: 10.11.2020).
20. Бессуднов А. Р., Куракин Д. Ю., Малик В. М. Как возник и что скрывает миф о всеобщем высшем образовании // *Вопросы образования*. 2017. № 3. С. 83–109. DOI: 10.17323/1814-9545-2017-3-83-109
21. Пугач В. Ф. Массовое высшее образование в России: особенности динамики // *Высшее образование в России*. 2020. № 2. С. 74–82. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-2-74-82
22. Аникина Е. А., Иванкина Л. И., Сорокина Ю. С. Кризис высшего образования в России: проявления, причины, последствия [Электрон. ресурс] // *Современные проблемы науки и образования*. 2016. № 3. Режим доступа: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=24770> (дата обращения: 10.11.2020).
23. Баранова И. М., Пугин В. Б. Современные проблемы высшей школы: массовизация, гетерогенность, необучаемость // *Дискуссия*. 2017. № 10 (84). С. 74–79. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyye-problemy-vysshey-shkoly-massovizatsiya-geterogennost-neobuchaemost> (дата обращения: 10.11.2020).
24. Перевозный А. В. Массовое высшее образование: истоки и проблемы организации [Электрон. ресурс] // *Университетское управление*. 2011. № 1. С. 28–33. Режим до-

ступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/massovoe-vysshee-obrazovanie-istoki-i-problemy-organizatsii> (дата обращения: 10.11.2020).

25. Арсентьев Н. М. Ивлева А. Ю. Массовизация высшего образования в России: угрозы и перспективы [Электрон. ресурс] // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2010. № 3 (11). С. 76–82. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/massovizatsiya-vysshego-obrazovaniya-v-rossii-ugrozy-i-perspektivy> (дата обращения: 10.11.2020).

26. Титаренко Л. Г. Гендерный дисбаланс или рост гендерного равенства? // Женщина в российском обществе. 2020. № 1. С. 17–28. DOI: 10.201064/WinRS.2020.1.2

27. Ставцева Т. И., Белоусова Е. А., Логвинова Т. Э. К вопросу о социальной значимости высшего профессионального образования в условиях его массовизации // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 5. С. 59–63. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sotsialnoy-znachimosti-vysshego-professionalnogo-obrazovaniya-v-usloviyah-ego-massovizatsii> (дата обращения: 10.11.2020).

28. Максимов А. Г., Тележкина М. С. Эконометрический анализ феномена массовизации высшего образования // Прикладная эконометрика. 2019. № 3 (55) С. 91–112. DOI: 10.24411/1993-7601-2019-10012

29. Gumport P. J. The United States Country Report: Trends in Higher Education from Massification to Post-Massification. 1997. 50 p. Available from: <http://course.napla.copladigital.org/wp-content/uploads/2016/09/Trends-in-Higher-Education-from-Massification-to-Post-Massification.pdf> (date of access: 10.11.2020).

30. Mok K. H., Chan S. J. After Massification and Response to Internationalization: Quality Assurance of Higher Education in Taiwan and Hong Kong // Collins C., Lee M., Hawkins J., Neubauer D. The Palgrave Handbook of Asia Pacific Higher Education. New York: Palgrave Macmillan, 2016. P. 423–438. DOI: 10.1057/978-1-137-48739-1_28

31. Tierney W. G., Ward J. D. The transformation of the system of postsecondary education in the United States // Altbach P. G., Reisberg L., De Wit H. Massification Differentiation in Postsecondary Education Worldwide. Hamburg: Körber-Stiftung, 2017. 170 p. Available from: https://www.academia.edu/32151024/The_Transformation_of_the_System_of_Postsecondary_Education_in_the_United_States (date of access: 10.11.2020).

32. Pan M., Luo D. A comparative analysis on models of higher education massification // Frontiers of Education in China. 2008. № 3. P. 64–78. DOI: 10.1007/s11516-008-0004-8

33. Gao Y. Massification of Higher Education in China: Problems and Solutions // Wu A., Hawkins J. Massification of Higher Education in Asia. Higher Education in Asia: Quality, Excellence and Governance. Singapore: Springer, 2018. P. 9–19. DOI: 10.1007/978-981-13-0248-0_2

34. Wu A. M. Hawkins J. N. Massification of Higher Education in Asia. Singapore: Springer, 2018. 147 p. DOI 10.1007/978-981-13-0248-0

35. Chisick H. The Limits of Reform in the Enlightenment: Attitudes Toward the Education of the Lower Classes in Eighteenth-Century France. Princeton: Princeton University Press, 2014. 332 p. Available from: <https://archive.org/details/limitsofreformin0000chis> (date of access: 10.11.2020).

36. Melton J. V. H. Absolutism and the Eighteenth-Century Origins of Compulsory Schooling in Prussia and Austria. New York: Cambridge University Press, 1988. 260 p. Available from: <https://archive.org/details/absolutismeighte0000melt> (date of access: 10.11.2020).

37. Suchodolski B. Komisja Edukacji Narodowej na tle roli oświaty w dziejowym rozwoju Polski. Wyd. 2. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1973. 263 p. Available from: https://books.google.ru/books/about/Komisja_Edukacji_Narodowej_na_tle_rol_i_o.html?id=0W4nAAAAMAA-J&redir_esc=y (date of access: 10.11.2020).

38. Schleunes K. A. Enlightenment, Reform, Reaction: The Schooling Revolution in Prussia // *Central European History*. 1979. № 4 (12). P. 315–342. Available from: <https://www.cambridge.org/core/journals/central-european-history/article/abs/enlightenment-reform-reaction-the-schooling-revolution-in-prussia/247CB45BE41BDC18E0D92F07B991CB-DA> (date of access: 10.11.2020).

39. Ngugi W. T. *Decolonizing the mind: the politics of language in African literature*. Oxford: James Currey Ltd., 2005. 114 p. Available from: https://www.researchgate.net/publication/317678104_NGUGI_WA_THIONG'O_NUN_DECOLONIZING_THE_MIND_THE_POLITICS_OF_LANGUAGE_IN_AFRICAN_LITERATURE_ADLI_ESERININ_SOMURGECILIK_-_DIL_ILISKISI_ACISINDAN_INCELENMESI (date of access: 10.11.2020).

40. Ильенков Э. В. К вопросу о диалектико-материалистической критике объективного идеализма. Диалектическая логика. Очерки, истории и теории. Изд. 2, доп., 1984. 320 с. Режим доступа: <https://litresp.ru/chitat/ru/И/илjenkov-evaljd-vasiljevich/dialekticheskaya-logika-ocherki-istorii-i-teorii/11> (дата обращения: 10.11.2020).

41. Stubbs R. War and Economic Development: Export-Oriented Industrialization in East and Southeast Asia // *Comparative Politics*. 1999. № 3. P. 337–355. DOI: 10.2307/422343

42. Roser M., Ortiz-Ospina E. Tertiary Education. Available from: <https://ourworldindata.org/tertiary-education> (date of access: 10.11.2020).

43. Mok K. H., Jiang J. Massification of higher education and challenges for graduate employment and social mobility: East Asian experiences and sociological reflections // *International Journal of Educational Development*. 2018. № 63. P. 44–51. DOI: 10.1016/j.ijedudev.2017.02.003

44. Ding X. China's Higher Education Market // *DIFID WB Collaboration on Knowledge and Skills in the New Economy*. 2004, January. Available from: https://www.researchgate.net/publication/337589737_Understanding_Vocational_Education_Market_in_China (date of access: 10.11.2020).

45. Капезина Т. Т. Тенденции развития российского высшего образования [Электрон. ресурс] // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки*, 2016. № 4 (8). С. 38–41. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-rossiyskogo-vysshego-obrazovaniya> (дата обращения: 10.11.2020).

46. Avdeeva T. I., Kulik A. D., Kosareva A. N., Zhilkina T. A. Belogurov A. Yu. Problems and Prospects of Higher Education System Development in Modern Society // *European Research Studies Journal*. 2017. № 4В (20). P. 112–124. DOI: 10.35808/ERSJ/878

47. Голиусова Ю. В., Фенглианг Ли. Социально-экономические последствия избыточного образования в Китае и России [Электрон. ресурс] // *Россия реформирующаяся*. Вып. 13: Ежегодник. Москва: Новый хронограф, 2015. С. 270–286. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-ekonomicheskie-posledstviya-izbytochnogo-obrazovaniya-v-kitae-i-rossii> (дата обращения: 10.11.2020).

48. Guri-Rosenblit S., Teichler U. Massification and diversity of higher education systems: interplay of complex dimensions // *Globalizing Knowledge: European and North American regions and policies addressing the priority issues of other UNESCO regions*. 5–6 March 2007, Paris: UNESCO Headquarters, 2007. P. 373–389. Available from: <https://www.research->

gate.net/publication/32029702_Massification_and_Diversity_of_Higher_Education_Systems_Interplay_of_Complex_Dimensions (date of access: 10.11.2020).

49. Teichler U. Changing Patterns of the Higher Education Systems. London: Jessica Kingsley Publishers, 1988. 144 p. Available from: <https://eric.ed.gov/?id=ED334953> (date of access: 10.11.2020).

50. Saintra W. Higher education in Nigeria: a status report // Higher Education Policy. 2003. № 3 (16). P. 259–281. DOI: 10.1057/palgrave.hep.8300021

51. Reddy K. S., Xie E., Tang Q. Higher education, high-impact research, and world university rankings: A case of India and comparison with China // Pacific Science Review B: Humanities and Social Sciences. 2016. № 1 (2). P. 1–21. DOI: 10.1016/j.psrb.2016.09.004

52. Mu R., Wan Q. The Development of Science and Technology: a Comparison with India and the United States // Technology in Society. 2008. № 30 (3-4). P. 319–329. DOI: 10.1016/j.techsoc.2008.04.023

References

1. De Wit H. Globalisation and internationalisation of higher education. *Revista de Universidad y Sociedad del Conocimiento*. 2011; 2 (8): 241–248. DOI: 10.7238/rusc.v8i2.1247

2. Smaliakou D. A. Internationalization of higher education: Socio-philosophical aspect. *Doklady Natsional'noi akademii nauk Belarusi = Doklady of the National Academy of Sciences of Belarus*. 2020; 3 (64): 371–378. DOI: 10.29235/1561-8323-2020-64-3-371-378 (In Russ.)

3. De Wit H. The history of internationalization of higher education. In: D. Deardorff, et al. (eds.). *The SAGE handbook of international higher education*. California; 2012. p. 43–60. DOI: 10.4135/9781452218397.n3

4. Knight J. Internationalization remodeled: Definition, approaches, and rationales. *Journal of Studies in International Education*. 1997; 1 (8): 5–31. DOI: 10.1177/1028315303260832

5. Dubovická L., Schwarczová H., Varcholová T. Internationalization of higher education as part of Bologna process. *Nauchnyj dialog = Scientific Dialogue* [Internet]. 2013 [cited 2020 Nov 10]; 2 (14): 8–21. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/internatsionalizatsiya-vysshego-obrazovaniya-kak-chast-bolonskogo-protssesa> (In Russ.)

6. Zha Q. Internationalization of higher education: Towards a conceptual framework. *Policy Futures in Education*. 2003; 1: 248–270. DOI: 10.2304/pfie.2003.1.2.5

7. Kopylov A. V., Sergeev A. M., Ryzhkova I. V. Some hermeneutic aspects of the internationalization of higher education. *Pedagogika = Pedagogy* [Internet]. 2020 [cited 2020 Nov 10]; 5 (84): 16–23. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43036959> (In Russ.)

8. Chmykhalo A. Yu., Ardashkin I. B., Makienko M. A. Internationalization of higher education as a reflection of the value postmodern culture: Russian specificity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie = Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 2016; 4 (24): 85–99. DOI: 10.17223/22220836/24/9 (In Russ.)

9. Altbach P. Globalization and the university: Realities in an unequal world. *Tertiary Education and Management*. 2004; 10: 3–25. DOI: 10.1007/978-1-4020-4012-2_8

10. Smaliakou D. A. The genesis of higher education internationalisation. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*. 2019; 8 (20): 9–28. DOI: 10.17853/1994-5639-2019-8-9-28 (In Russ.)

11. Tight M. Mass higher education and massification. *High Education Policy*. 2019; 32: 93–108. DOI: 10.1057/s41307-017-0075-3
12. Giannakis M., Bullivant N. The massification of higher education in the UK: Aspects of service quality. *Journal of Further and Higher Education*. 2016; 40 (5): 630–648. DOI: 10.1080/0309877X.2014.1000280
13. Yang Y. Higher education in China: Massification, accessibility, and quality issues. In: Collins C., Lee M., Hawkins J., Neubauer D. (eds.). *The Palgrave Handbook of Asia Pacific Higher Education*. New York: Palgrave Macmillan; 2016. p. 315–330. DOI: 10.1057/978-1-137-48739-1_21
14. Hornsby D. J., Osman R. Massification in higher education: Large classes and student learning. *High Education*. 2014; 67: 711–719. DOI: 10.1007/s10734-014-9733-1
15. Dias D. Has massification of higher education led to more equity? Clues to a reflection on Portuguese education arena. *International Journal of Inclusive Education*. 2015; 19 (2): 103–120. DOI: 10.1080/13603116.2013.788221
16. Mok K. H., Wu A. Higher education, changing labour market and social mobility in the era of massification in China. *Journal of Education and Work*. 2016; 29 (1): 77–97. DOI: 10.1080/13639080.2015.1049028
17. Abramova M. A., Krashenninikov V. V. Higher education reform: From quantity to quality. *Filosofija obrazovaniya = Philosophy of Education*. 2016; 2 (65): 44–52. DOI: 10.15372/PHE20160204 (In Russ.)
18. Pak Yu. N., Koshebayev G. K., Pak D. Yu., The problem of higher education modernization in the context of quality assurance. *Alma Mater*. 2019; 12: 14–21. DOI: 10.20339/AM.12-19.014 (In Russ.)
19. Mokh T. Conditionality of mass higher education of the Republic of Belarus: Historical context. *Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vysshej shkoly. Istoricheskie i psichologo-pedagogicheskie nauki = The Scientific Works of the Republican Institute of Higher School. Historical and Psychological-Educational Sciences* [Internet]. 2017 [cited 2020 Nov 10]; 17 (1): 286–293. Available from: <https://elibrary.bsu.by/handle/123456789/184685> (In Russ.)
20. Bessudnov A., Kurakin D., Malik V. The myth about universal higher education: Russia in the international context. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies Moscow*. 2017; 3: 83–109. DOI: 10.17323/1814-9545-2017-3-83-109 (In Russ.)
21. Pugach V. F. Mass higher education in Russia: Features of dynamics. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2020; 2: 74–82. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-2-74-82 (In Russ.)
22. Anikina E. A., Bvankina L. I., Sorokina Y. S. Higher education crisis in Russia: Manifestations, causes and consequences. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya = Modern Problems of Science and Education* [Internet]. 2016 [cited 2020 Nov 10]; 3. Available from: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=24770> (In Russ.)
23. Baranova I. M., Pugin V. B. Modern problems of the higher school: Massification, heterogeneity and learning disability. *Diskussiya = Discussion* [Internet]. 2017 [cited 2020 Nov 10]; 10 (84): 74–79. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyye-problemy-vysshey-shkoly-massovizatsiya-geterogennost-neobuchaemost> (In Russ.)
24. Perevoznay A. V. Mass higher education: Origination and challenges of organization. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz = University Management: Practice and Analysis* [Internet]. 2011 [cited 2020 Nov 10]; 1: 28–33. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/massovoe-vysshee-obrazovanie-istoki-i-problemy-organizatsii> (In Russ.)

25. Arsentjev N. M., Ivleva A. U. Mass Education in Russia: Means and perspectives. *Gumanitariy: aktual'nyie problemyi gumanitarnoy nauki i obrazovaniya = Russian Journal of the Humanities* [Internet]. 2010 [cited 2020 Nov 10]; 3: 76–82. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/massovizatsiya-vysshego-obrazovaniya-v-rossii-ugrozy-i-perspektivy> (In Russ.)
26. Titarenka L. G. Gender imbalance or growth of gender equality? *Zhenshchina v Rossijskom obschestve = Woman in Russian Society*. 2020; 1: 17–28. DOI: 10.201064/WinRS.2020.1.2 (In Russ.)
27. Stavceva T. I., Belousova E. A., Logvinova T. E. On the question of social importance of mass higher education. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki = Scientific Notes of Orel State University* [Internet]. 2013 [cited 2020 Nov 10]; 5: 59–63. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sotsialnoy-znachimosti-vysshego-professionalnogo-obrazovaniya-v-usloviyah-ego-massovizatsii> (In Russ.)
28. Maksimov A. G., Telezhkina M. S. Econometric analysis of phenomenon of higher education expansion. *Prikladnaya èkonometrika = Applied Econometrics*. 2019; 3 (55): 91–112. DOI: 10.24411/1993-7601-2019-10012 (In Russ.)
29. Gumport P. J. The United States country report: Trends in higher education from massification to post-massification [Internet]. 1997 [cited 2020 Nov 10]. Available from: https://web.stanford.edu/group/ncpi/documents/pdfs/1-04_massification.pdf
30. Mok K. H., Chan S. J. After massification and response to internationalization: Quality assurance of higher education in Taiwan and Hong Kong. In: Collins C., Lee M., Hawkins J., Neubauer D. (eds.). *The Palgrave Handbook of Asia Pacific Higher Education*. New York: Palgrave Macmillan; 2016. p. 423–438. DOI: 10.1057/978-1-137-48739-1_28
31. Tierney W. G., Ward J. D. The transformation of the system of postsecondary education in the United States. In: Altbach P. G., Reisberg L., De Wit H. (eds.). *Massification differentiation in post-secondary education worldwide*. Hamburg: Körber-Stiftung; 2017. p. 179–188. DOI: 10.1007/978-94-6351-083-7_15
32. Pan M., Luo D. A comparative analysis on models of higher education massification. *Frontiers of Education in China*. 2008; 3: 64–78. DOI: 10.1007/s11516-008-0004-8
33. Gao Y. Massification of higher education in China: Problems and solutions. In: Wu A., Hawkins J. (eds.). *Massification of higher education in Asia. Higher education in Asia: Quality, excellence and governance*. Singapore: Springer; 2018. p. 9–19. DOI: 10.1007/978-981-13-0248-0_2
34. Wu A. M., Hawkins J. N. Massification of higher education in Asia. Singapore: Springer; 2018. 147 p. DOI: 10.1007/978-981-13-0248-0
35. Chisick H. the limits of reform in the enlightenment: Attitudes toward the education of the lower classes in eighteenth-century France [Internet]. Princeton: Princeton University Press; 2014 [cited 2020 Nov 10]. 332 p. Available from: <https://archive.org/details/limitsofreformin0000chis>
36. Melton J. V. H. Absolutism and the eighteenth-century origins of compulsory schooling in Prussia and Austria [Internet]. New York: Cambridge University Press; 1988 [cited 2020 Nov 10]. 260 p. Available from: <https://archive.org/details/absolutismeighte0000melt>
37. Suchodolski B. Komisja Edukacji Narodowej na tle roli oświaty w dziejowym rozwoju Polski [Internet]. Wyd. 2. Warszawa: Wiedza Powszechna; 1973 [cited 2020 Nov 10]. 263 p. Available from: https://books.google.ru/books/about/Komisja_Edukacji_Narodowej_na_tle_rol_i_o.html?id=0W4nAAAAMAAJ&redir_esc=y (In Polish)

38. Schleunes K. A. Enlightenment, reform, reaction: The schooling revolution in Prussia. *Central European History* [Internet]. 1979 [cited 2020 Nov 10]; 4 (12): 315–342. Available from: <https://www.cambridge.org/core/journals/central-european-history/article/abs/enlightenment-reform-reaction-the-schooling-revolution-in-prussia/247CB45BE41BDC18E0D92F07B991CBDA>

39. Ngugi W. T. Decolonizing the mind: The politics of language in African literature [Internet]. Oxford: James Currey Ltd.; 2005 [cited 2020 Nov 10]. 114 p. Available from: https://www.researchgate.net/publication/317678104_NGUGI_WA_THIONG'O'NUN_DECOLONIZING_THE_MIND_THE_POLITICS_OF_LANGUAGE_IN_AFRICAN_LITERATURE_ADLI_ESERININ_SOMURGECILIK_-_DIL_ILISKISI_ACISINDAN_INCELENMESI

40. Il'yenkov E. V. K voprosu o dialektiko-materialisticheskoy kritike ob'ektivnogo idealizma. Dialekticheskaya logika. Ocherki, istorii i teorii = On dialectic-materialistic criticism of objective idealism. Dialectical logic. Essays, stories and theories [Internet]. 2nd ed. 1984 [cited 2020 Nov 10]. 320 p. Available from: <https://litresp.ru/chitat/ru/И/Илженков-evaljd-vasiljev-ich/dialekticheskaya-logika-ocherki-istorii-i-teorii/11> (In Russ.)

41. Stubbs R. War and economic development: Export-oriented industrialization in East and Southeast Asia. *Comparative Politics* [Internet]. 1999 [cited 2020 Nov 10]; 3: 337–355. DOI: 10.2307/422343

42. Roser M., Ortiz-Ospina E. Tertiary education [Internet]. 2013 [cited 2020 Nov 10]; Available from: <https://ourworldindata.org/tertiary-education>

43. Mok K., Jiang J. Massification of higher education and challenges for graduate employment and social mobility: East Asian experiences and sociological reflections. *International Journal of Educational Development*. 2018; 63: 44–51. DOI: 10.1016/j.ijedudev.2017.02.003

44. Ding, X. China's higher education market. *DIFID WB Collaboration on Knowledge and Skills in the New Economy* [Internet]. 2004 [cited 2020 Nov 10]. Available from: https://www.researchgate.net/publication/337589737_Understanding_Vocational_Education_Market_in_China

45. Kapezina T. T. Tendencies of Russian higher education development. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Obschestvennyye nauki = Tambov University Review. Series: Social Sciences* [Internet]. 2016 [cited 2020 Nov 10]; 4 (8): 38–41. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-rossiyskogo-vysshego-obrazovaniya> (In Russ.)

46. Avdeeva T. I., Kulik A. D., Kosareva A. N., Zhilkina T. A. Belogurov A. Yu. Problems and prospects of higher education system development in modern society. *European Research Studies Journal*. 2017; 4B (20): 112–124. DOI:10.35808/ERSJ/878

47. Golyusova Yu. V., Fengliang Li. The socio-economic consequences of over-receives in China and Russia are being reformed. *Rossiya reformiruyusheyasia = Reforming Russia* [Internet]. 2015 [cited 2020 Nov 10]. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-ekonomicheskie-posledstviya-izbytochnogo-obrazovaniya-v-kitae-i-rossii> (In Russ.)

48. Guri-Rosenblit S. Massification and diversity of higher education systems: Interplay of complex dimensions. In: *“Globalizing Knowledge: European and North American regions and policies addressing the priority issues of other UNESCO regions”* [Internet]; 2007; Paris, France. Paris: UNESCO Headquarters; 2007 [cited 2020 Nov 10]; p. 373–389. Available from: https://www.researchgate.net/publication/32029702_Massification_and_Diversity_of_Higher_Education_Systems_Interplay_of_Complex_Dimensions

49. Teichler U. Changing patterns of the higher education systems [Internet]. London: Jessica Kingsley Publishers; 1988 [cited 2020 Nov 10]. 144 p. Available from: <https://eric.ed.gov/?id=ED334953>

50. Santa W. Higher education in Nigeria: A status report. *Higher Education Policy*. 2003; 3 (16): 259–281. DOI: 10.1057/palgrave.hep.8300021

51. Reddy K. S., Xie E., Tang Q. Higher education, high-impact research, and world university rankings: A case of India and comparison with China. *Pacific Science Review B: Humanities and Social Sciences*. 2016; 1 (2): 1–21. DOI: 10.1016/j.psr.2016.09.004

52. Mu, R., Wan, Q. The Development of science and technology: A comparison with India and the United States. *Technology in Society*. 2008; 30 (3-4): 319–329. DOI: 10.1016/j.techsoc.2008.04.023

Информация об авторе:

Смоляков Дмитрий Анатольевич – кандидат философских наук, научный сотрудник Белорусско-китайского исследовательского центра философии и культуры Линнаньского педагогического университета; ORCID 0000-0002-9676-9628, Researcher ID AAY-2786-2020; Чжаньцзян, КНР. E-mail: d.smaliakou@live.com

Информация о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 24.11.2020; принята в печать 07.04.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Dzmitry A. Smaliakou – PhD (Philosophy), Research Fellow, Sino-Belarusian Research Center of Philosophy and Culture, Lingnan Normal University; ORCID 0000-0002-9676-9628, Researcher ID AAY-2786-2020; Zhangjiang, China. E-mail: d.smaliakou@live.com

Conflict of interest statement. The author declares that there is no conflict of interest.

Received 24.11.2020; accepted for publication 07.04.2020.

The author has read and approved the final manuscript.